

Я забыл упомянуть, что Саразен был посажен в Бастилию, как это будет видно из «Мемуаров эпохи Регентства», за то, что его сочли автором скверных стихков на Короля, где говорилось о театральных машинах итальянских комедиантов. Его обвинили несправедливо; напущен на него, он не был бы так плох. Он поклялся по выходе из тюрьмы больше стихов не писать; но снова прилежся за старое в дни осады Парижа, а может быть, и раньше.

Во время Парижской войны⁵ Кoadьютор столько хлопотал о нем через посредство г-жи де Лопгвиль, что принц де Конти взял Саразена в секретари. Было ли это следствием пужды или коварного нормандского нрава, а быть может — и того и другого вместе, но Саразен (которому, хотя он и был зачислен в штат принца де Конти, следовало, по правде говоря, дожидаться первого вакантного места) без возражений согласился занять эту должность. Принц де Конти был здесь более виноват, нежели Саразен, ибо, в то время как Монтрей, член Академии, находился в Риме, добывая ему кардинальскую шляпу, Принц наполовину сократил его доходы по должности, ради коей он отказался от самых прекрасных предложений. Вернувшись, Монтрей ничем не выказал своей досады: он был похитрее Саразена и стал поистине французом на итальянский образец, *Francese romanescato*, как говорят в Риме; и хотя с ним обошлись, как с младшим, — с ним, который получил эту должность первым, — он сделал вид, будто вполне доволен распределением обязанностей. У него остались одни лишь бенефиции, а в ведении Саразена находился дом и губернаторский пост (в Шампани). Говорили, будто Саразена выдвинула г-жа де Лопгвиль. В первый же год своей новой службы Саразен сказал одному знакомому мне человеку, что он де вовсе не обязан Кoadьютору за то, что тот ввел его в дом к принцу де Конти, а напротив — Кoadьютор всем обязан ему; что было время, когда тот рад был бы его, Саразена, утопить, и что сейчас еще послал бы его ко всем чертям, не занимая он этой должности, и что за те четыре года, что он служил у Кoadьютора, тот перед ним в неоплатном долгу. Заметьте, что, не будь Кoadьютора, Саразен, может быть, умер бы с голоду.

Как только был заключен мир,⁶ Саразен стал разыгрывать из себя скромного управляющего и человека, ревниво пекущегося о своем хозяйстве. Однажды кто-то спросил его: «Что с вами? У вас такой грустный вид». — «Я плохо чувствую себя, — ответил он значительно, — принцу де Конти недорочится». Он без устали занимался всякими мошенническими проделками. Кoadьютор как-то представил принцу де Конти аббата Амло, который пришел просить о каком-то приорате. Принц де Конти обещает ему этот приорат. Аббат, дабы ускорить дело, дает сто пистолей Саразену; Монтрей, ежели я не ошибаюсь, в ту пору отсутствовал. Первый президент Палаты косвенных сборов Амло-Болье, родственник Аббата, просит принца Конти о том же приорате, и тот отдает его ему. Подумайте только, как это делается! Аббат требует от Саразена свои сто пистолей, а тот от-